

Тамара Злобина

*Помолись
за меня*

две мини-повести

Тамара Злобина

**Помолись за меня.
Две мини-повести**

«Издательские решения»

Злобина Т.

Помолись за меня. Две мини-повести / Т. Злобина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935635-2

1. «Помолись за меня» — мини-повесть. У Сани умирает бабушка, вырастившая её. Чтобы справиться с бедой, девушка уезжает в Чечню в качестве медсестры. Друг её детства Ромка Литвинов после гибели родителей и развала Союза встаёт на сторону врага. Саня спасает его, но заявляет, что будет ждать прежнего Ромку. 2. «Алька» — мини-повесть. Две подруги попадают в необычный жизненный переплёт. В результате Алька оказывается в плену женщины с больной психикой, а Марии приходится спасти её.

ISBN 978-5-44-935635-2

© Злобина Т.
© Издательские решения

Содержание

1. «Помолись за меня» – мини-повесть	6
Глава 1. Помолись за меня...	6
Глава 2. Смерть бабушки	10
Глава 3. Стрелок	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Помолись за меня Две мини-повести

Тамара Злобина

Благодарности:
Александр Маршал

© Тамара Злобина, 2018

ISBN 978-5-4493-5635-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. «Помолись за меня» – мини-повесть

Глава 1. Помолись за меня...

– Смотри, смотри, Шурка! – задрал голову в верх, восхищался Ромка. – Каравелла плывёт под парусами!

– Да ну тебя, фантазёр, – отмахнулась Саня. – И ни какая это не каравелла, а просто скопление кучевых облаков. Наверное, скоро дождь начнётся...

– Глупая ты, Шурка, – разочарованно выдал Ромка. – Такая же, как наша училка Галина Николаевна. Даже тон её копируешь... Глупая. И скучная.

– Чья бы корова мычала?! – начала сердиться девочка. – Умник тоже выискался?! Или это я вчера по географии пару схватила?

– Это я из принципа, – усмехнулся в ответ подросток. – Не желаю учителям в рот смотреть... Как некоторые.

– Ах, как некоторые?! – возмутилась Санька и, с подняв с дорожки сломанную ветку, кинулась к мальчишке с намерением отхлестать его за эти слова.

– Вот я тебя сейчас! – успела только выкрикнуть она, а лёгкий, спортивный мальчишка уже понёсся прочь по тропинке, через негустой лесок, поросший шиповником.

Девочка кинулась за ним следом, отставая совсем на чуть-чуть. Остановилась она лишь тогда, когда по лицу её больно хлестнула ветка, отлетевшая от мальчишки, как праща. От резкой боли у неё выступили слёзы и Саня схватилась за щёку. На ладони была кровь: острый сучок поранил щёку.

– Хорошо в глаз не попал! – подумала она, доставая из кармашка сарафанчика чистый носовой платок, который чуть ли не со скандалом ещё утром уложила бабушка.

Рома, заслышав, что за ним никто не гонится, остановился и обернулся через плечо. Поодаль стояла Санька и прижимала к щеке платочек. Переведя дух, он иронически поинтересовался:

– Что, сдаёшься?... Эх, Шурка ты, Шурка!

– Не Шурка – Александра! – запротестовала девочка, вспомнив наставление бабушки не откликаться на мальчишечье имя.

– А я говорю: Шурка! – настаивал подросток.

– Дурак ты, – беззлобно ответила девочка и торопливо пошла на просвет леса.

Мальчишка постоял минуту, глядя ей во след, потом догнал девчонку и, перегородив дорогу, миролюбиво попросил:

– Покажи?

– Вот ещё? – ответила Саня. – Иди себе, куда шёл! И не приставай.

– Подумаешь?! – обижено возмутился Ромка. – Нужно мне приставать?! Цаца... Фу ты – ну ты, лапти гнуты!

– А у тебя – мозги гнуты! – засмеялась в ответ девчонка. – Если они вообще у тебя есть...

– Как дам сейчас! – взвился подросток. – Мало не покажется!

– Только попробуй? – приняла задиристую стойку Саня. – Или забыл, как в прошлый раз по носу получил?

– Ага, – шмыгнул носом Ромка, – знаешь, что у меня нос слабое место – вот и бьёшь?!

– Не нос у тебя слабое место, а мозги, – совсем по-взрослому усмехнулась девчонка и спокойно отправилась домой.

– Ну и чёрт с тобой! – всердцах выдал подросток и повернул в другую сторону.

Он шёл независимой походкой, держа руки в карманах и насвистывая незамысловатый мотивчик, делая вид, что ему совсем нет дела до этой вредной девчонки. Даже не оглянулся ни разу.

– Ну и ладно! – решила Саня. – Очень нужно?! Троечник несчастный...

Конечно, сейчас она слегка покривила душой: её одноклассник и заклятый сосед Ромка Литвинов троечником вовсе не был: твёрдый хорошист.

– Если бы у меня была мать завучем в школе – запротестовала девчонка, – то я отличницей была бы!... Жаль, что у меня только бабушка – Александра Даниловна... И больше никого нет.

И снова Саня слукавила: была у неё и мать – дочь бабушки Саши. Но её словно и не было.

Вновь припомнились Сане горькие слова бабушки:

– Ветрогонка твоя мать, Саня... Гоняется по просторам России, как геолог за золотыми россыпями. Никак себе места не найдёт: по году ни слуха – ни духа... Жива ли, нет ли – не известно.

– Ба, ба! – тормошила Саня бабушку за фартук, – Не переживай ты так. Нам с тобой никого и не нужно... Ведь правда? Главное: я у тебя есть!

Бабушка гладила девочку по голове, приглаживая её пушистые волосы цвета спелой пшеницы:

– Да, внученька, главное – ты у меня есть.

– А ты – у меня! – ликовала в ответ Саня.

В начальных классах Сашенька всем любопытным объясняла, что мать у неё геолог. И что бродит она по земле – золото ищет, чтобы всем жилось лучше. Отдельные личности пытались вывести девочку на чистую воду, но каждый из таких пытливых в результате улепётывал от неё с разбитым носом. И вскоре любопытствующих больше не осталось.

Сейчас она заканчивает шестой класс. Последний раз Саня видела свою мать год назад. Появилась та во время летних каникул: такая шумная смешливая, с целым чемоданом самых дорогих шоколадных конфет. Не-то Снегурочка, не-то Дед Мороз – хоть и не по времени.

– Лучше бы ты, Надежда, Сане платье новое для школы привезла, – беззлобно отреагировала тогда баба Саня.

– Я хотела, – не задумываясь ответила Надежда, – но побоялась размер не угадать: вон Санечка как вымахала. Почти девушка!

– Следующий раз заявишься, когда внучку замуж буду выдавать?

– Да ладно, мама, не ворчи! Не идёт тебе это...

Побыла Надежда с родными две недели и заскучала: её душа простора требовала, воли, движения. И заявила она:

– Пора мне, мама: засиделась я что-то на одном месте.

– Надежда, побудь хоть недельку ещё? – попросила мать. – Съездите с Сашенькой в область, обновки ей купите: выросла она из всего. Платье для школы новое нужно. Да и пальтецо зимнее не помешало бы...

– А вот завтра и отправимся! – решила Надежда. – заодно и билет себе куплю на поезд.

В ответ Александра Даниловна только вздохнула, понимая, что ничем не сможет удержать свою непутёвую дочь.

После окончания 8-го класса Роман исполнил свою детскую мечту и поступил в Ленинградское Нахимовское училище. Радости его не было предела.

– Понимаешь, Шурка, – с искрящимися радостью глазами говорил он, – я буду ходить по морям, океанам! Как всегда мечтал...

– На каравелле? – усмехнулась Саня, не понимая радости друга.

– А что? – не принимая Саниной иронии, отреагировал Роман, – Курсанты и на парусниках ходят, в кругосветку. Так что, вполне вероятно и под парусом похожу! По крайней мере буду очень стараться, чтобы попасть на это судно...

Сане очень хотелось спросить: – «А как же я?», но из гордости она не сделала это, а только сказала довольно холодно:

– Что же: поздравляю тебя. Рада, что хоть у кого-то мечты сбываются.

В тот день они чуть не рассорились навсегда: окончательно и бесповоротно. Ромка посмотрел на хмурое лицо девушки и сказал:

– Шурка, ты что сегодня не с той ноги встала, или не выспалась?

– Зато ты, как я вижу, с той встал! – запальчиво ответила девушка и убежала, не попрощавшись.

На следующий день собрались все одноклассники, кто ещё оставался в совхозе. Сначала пошли на вечерний сеанс, ведь теперь им это позволялось: выпускники восьмилетней школы имели на это полное право. После кинофильма бродили по памятным местам. Вспоминали, шутили, смеялись.

Вот на этом дереве после седьмого класса мальчишки вырезали свои имена и имена тех девчонок, которые им нравились. Ромка залез высоко-высоко и там, чтобы никто не узнал его тайны вырезал два имени: своё и Санькино.

Побывали в совхозном саду, где частенько воровали яблоки. На этот раз дед Семёныч сам угощал их, припоминая сколько неприятностей «безобразники» доставили ему в своё время.

Потом провожали девчонок. Как взрослые. До самого дома. Прощались за ручку – желали успехов, счастливого пути. Из совхоза уезжали почти все: кто в райцентр в девятый класс, кто в город, в училища, Ромка в Нахимовское, Саня – в медучилище.

Так они с бабушкой решили, что Саня пойдёт по её стопам и станет медиком.

– Будешь и меня лечить, Саня. Здоровье у твоей старой бабки что-то пошатнулось. Кому лечить, как не тебе?

У самой Санькиной калитки Роман сказал, слегка волнуясь:

– Ты это... Не приходи утром меня провожать...

Саня одарила друга недоумевающим взглядом. А он продолжил, улыбаясь своей фирменной улыбкой:

– А то разревёшься ещё там... Стыда не оберёшься.

Глаза девушки стали круглыми, а щёки начали покрываться алой краской, и она уже была готова дать дёру, но Ромка поймал её за руку и неожиданно, слегка смущаясь, назвал взрослым именем:

– Александра! Смотри сдуру без меня замуж не выскочи.

Санька дёрнула худеньким плечиком:

– Вот ещё?! Я вообще замуж не выйду!

– За меня выйдешь! – улыбнулся Ромка, неожиданно чмокнул Саню в щёку, и быстрым шагом пошёл к своему дому.

Девушка глупо хихикнула и вприпрыжку помчалась домой.

Утром она всё же пришла на остановку автобуса, но наблюдала за происходящим со стороны. Она видела, как Ромка искал её взглядом и радостно улыбалась из своего потаённого уголка. Видела, как погасла его улыбка и решила беззлобно:

– Так тебе и надо! Не нужно было вчера говорить, чтобы я не приходила провожать!

Но, когда автобус тронулся, она не выдержала и выбежала ему во след. Ромка увидел Саню и радостно замахал рукой. Она бежала рядом и жестами показывала, чтобы он писал ей письма. Но автобус прибавил скорость и девушка отстала. Она ещё долго стояла у края дороги, даже когда автобус скрылся из глаз, и пыль, поднятая им, улеглась.

А ещё через день с той же самой остановки Саню провожала бабушка.

– Ну, вот, – говорила она, скрывая слёзы, – и полетели наши птенчики из гнезда во взрослую жизнь... Как -то сложится всё у вас?

Александра молча гладила бабушкины натруженные руки с распухшими суставами, её душили слёзы.

– Будь умницей, девочка моя... Ты всё же не в свою маму пошла.

– Я в тебя, бабушка, – ответила Саня.

Бабушка поцеловала Александру в щёку и перекрестила на дорожку. А Саня тихо попросила:

– Помолись за меня, бабушка...

Глава 2. Смерть бабушки

День был тихий, безветренный, туманный. Туман словно просачивался из самой земли и поднимался ввысь, меняясь, редая и растворяясь в пространстве. Внезапно из тумана размытыми очертаниями начала возникать бледная картинка. Лёгкими мазками талантливого художника проявилась группа людей,двигающихся тёмной, молчаливой процессией, словно переходя из какого-то странного сна или замысловатой фантазии в реальность. Молчаливая процессия ступила на извилистую, поросшую травой-муравой, дорожку, ведущую куда-то вдаль, пропадающую в этой дали, и медленно двинулась дальше.

Была в этой процессии какая-то безысходность, мистическая тоска и ирреальность. Словно картинка вне времени и вне сезона: ни прошлое, ни настоящее, ни весна, ни лето, не осень и не зима. Это странное ощущение ещё более усиливал туман, будто ластиком стирая тёмные фигуры, отделяя их от земли насыщенно-чёрной полосой. Процессиядвигающаяся меж небом и землёй – тихо, скорбно, слегка театрально...

Хоронили Александру Даниловну. Народа собралось немало: почти вся совхозная больница, где она проработала без малого двадцать лет; подруги, соседи и просто добрые люди, знающие и уважающие её. Сашеньку поддерживали с двух сторон крепкие руки соседа Митрича и заведующего хирургического отделения – Михаила Михайловича, где Александра Даниловна до последнего работала санитаркой. Если бы не эти руки, Саня давно упала где-нибудь по дороге, и подниматься не захотела. Она была, словно во сне, или в состоянии слабого помешательства: ничего не слышала, никого не видела, ничего не ощущала.

Пять дней назад девушке исполнилось двадцать лет. Баба Саша была такая весёлая, хлопотливая. Саня радовалась, глядя на свою бабушку и была счастлива, что всё так хорошо складывается: уже год она работала в местной больнице операционной сестрой, бабушка всегда была рядом и поддерживала её и добрым советом и мудрым словом. И вот теперь... Все эти чужие люди, серые лица. Этот странный туман, что разделил вчера и сегодня полосой сплошной черноты и безысходности. Девушка словно не понимала куда ведут её сильные мужские руки. Зачем? Почему? Ей хотелось крикнуть, что было сил:

– Остановитесь! Я не хочу! Не хочу...

Но сил не было. Заплетающиеся ноги едва касались дорожки: её почти несли. Процессия, наконец, остановилась у свежeverытой могилы. Гроб, обитый чёрным и красным сатином поставили на две табуретки. Сухонькое лицо Александры Даниловны утопало в неярких полевых цветах, которых она так любила. При жизни.

Маленькая, худощавая старушка в белом ситцевом платочке не-то запела, не-то запричитала молитву, и Александра начала тихо сползать вниз. Её успели подхватить всё те же сильные руки. Послышались слова:

– Дайте девочке попрощаться с Александрой Даниловной...

Саню подвели к гробу и сказали:

– Прощайся, Сашенька, с бабушкой.

Александра наклонилась к лицу бабы Саши и потеряла сознание. Очнулась от резкого, неприятного запаха и подумала:

– Нашатырный спирт... Зачем?... Я не могу этого видеть... Не хочу.

Кинулась на уже заколоченный гроб:

– Бабушка, – шептали губы, – бабушка, не уходи... Не оставляй меня одну...

– Поплачь, Сашенька, поплачь, – просила её подруга бабушки – Нина, – легче станет.

Саня посмотрела на неё сухими глазами, но ответить ничего не могла: слов не было. Не было и слёз. На уме вертелись слова «бабушкиной молитвы»:

– Царице моя Преблагая, Надеждо моя, Богородице...

Больше ничего не шло на ум, и она снова и снова повторяла начальные слова молитвы, которая не раз спасала Александру Даниловну в самые страшные дни войны:

– Царие моя Преблагая, Надеждо моя, Богородице...

Надежда приехала домой только через полтора месяца, но не застала никого: Александру Даниловну похоронили, а Саня к тому времени была уже в Чечне.

Не застав никого дома, она направилась к лучшей подруге матери и после её пояснений поинтересовалась с искренним недоумением, словно была удивлена до глубины души:

– Как умерла?! Почему меня не дождалась?

– А ты думала, что мать будет жить вечно?! – возмутилась Нина Ивановна. – Матери имеют такую тенденцию умирать не дождавшись своих дочерей, потому как те не спешат домой.

А уж, когда Надежда услышала, что Саня спустя сорок дней после смерти бабушки уехала в Чечню в качестве операционной сестры, возмущению её не было предела:

– Она что, с ума сошла?! Там же война идёт... Какой дурак надоумил её попереться туда?!

Нина Ивановна пожала плечами в ответ: выдавать Михаила Михайловича ей не хотелось. Всё это могло для него плохо закончиться: она ещё не забыла воинственность Надежды и её способность наказывать «врагов».

Но всё-таки Надежда наведалась в больницу и имела трудный разговор с Кориным. Михаил Михайлович не стал оправдываться, а выслушав все обвинения женщины, строго сказал:

– А что вы хотели, Надежда Сергеевна, чтобы девочка захла совсем от горя? Ей была необходима смена обстановки – иначе можно было тронуться разумом.

– Но не такая же смена?! – возмутилась женщина. – Не в пекло же было толкать девочку? Куда смотрели вы, её наставник?!

– А куда смотрели вы?! – слегка повысил голос Корин. – Её мать? Почему девочка вынуждена была один на один нести свою беду?

Надежда опешила даже от строгого тона доктора:

– Но она же не в пустыне жила: вокруг люди, друзья, соседи, наконец, вы – сослуживцы?!

– Чужие люди? – вглядываясь в глаза странной женщины, поинтересовался Корин. – Вы считаете – этого достаточно?... Ни одной родной души рядом...

– Она уже взрослая девочка! – запротестовала Надежда. – И должна уметь принимать удар судьбы!

– Ну-да, ну-да, – ответил Михаил Михайлович, решив, что это женщина так ничего и не поняла. – Принимать удар она пока не научилась – потому и отправилась в Чечню, чтобы пройти урок, что называется: год – за три.

– Вы жестокий человек! – возмутилась Надежда.

– Да, это так! – ответил Корин, – моя профессия требует этого – я хирург. До мозга костей. А вы, Надежда Сергеевна кто?

– Я – мать! – попыталась доказать свою правоту женщина, но Корин не дал ей сделать этого.

– Сомневаюсь! – словно отрезал он. – Это Александра Даниловна была для Сашеньки и матерью, и отцом, и бабушкой. А вы, как я вижу – совершенно посторонний, чужой ей человек.

И добавил, поднимаясь с места:

– Извините, мне нужно к больным.

Корин вышел из кабинета не прощаясь, а Надежда от возмущения ещё некоторое время открывала рот, не находя слов. Потом поднялась и вышла из кабинета врача, громко хлопнув дверью. Уехала из совхоза на другой же день, оставив дом и могилку матери на попечение Нины Ивановны. Она так и не рассказала никому о нелिцеприятном разговоре с Кориним, да и тот не стал распространяться на эту тему: они прекрасно поняли друг друга, и расстались, если и не врагами, то уж точно не друзьями.

Саня к это время работала уже а полевым госпитале, располагающемся на окраине Грозного. Здание было полуразрушено – госпиталь располагался в подвале. Приспособлен наскоро, но операционная была оборудована всем самым необходимым. Рядом с операционной реанимационная палата, с лежащими в ней тяжелоранеными, которых нельзя было ещё транспортировать.

В Грозном шли тяжёлые бои и раненые поступали непрерывно. Работы было так много, что времени думать о чём-то постороннем кроме очереди операций, следующих одна за другой, не было. И Александра выкинула из головы всё, что произошло с ней полмесяца назад.

Уже через неделю работы Александра ощущала себя в госпитале, как рыба в воде. Общая боль и беда сближает гораздо быстрее и прочнее, чем общая радость. А уж боли тут хватало с избытком. Раненых привозили прямо из боя. Иногда девушке казалось, что весь Грозный – это сплошное поле боя.

– Как когда-то в сорок третьем в Сталинграде, – думала Александра, невольно вспоминая рассказы бабушки Сани. – С одним исключением: медсестра на поле боя сейчас не сможет сделать и шагу. Главврач даже ночью не разрешает выходить на поверхность, опасаясь снайпера, который засел где-то неподалёку.

Одна хирургическая бригада сменяла другую. Спали по очереди в небольшом помещении с несколькими металлическими кроватями, письменным столом посередине, служившим и кабинетом, и столовой, шкафами вдоль стен, где хранились необходимые лекарства, перевязочные материалы, инструменты.

В операционную Саню пока ещё не допускали: хватало работы в послеоперационных палатах. Их всего две: маленькая на десять коек, где размещались самые тяжёлые, которых нельзя было вывозить из-за сложности ранения и нестабильности состояния, и большая – на двадцать коек, расположенных в два яруса. Здесь раненые долго не задерживались: раз в три дня прилетал вертолёт и забирал троих-четверых, для переправки на «большую землю».

У Сани была заветная мечта: встать к операционному столу, ведь один из двух хирургов был сам главврач: Вениамин Михайлович Воротников, который считался одним из лучших полевых хирургов. Поэтому она без устали повторяла и повторяла всё то, что должна знать

операционная сестра. Закрыв глаза, Саня вспоминала все хирургические инструменты, представляя их мысленным взором..

Застав как-то девушку возле шкафа с инструментами, Вера Васильевна, ассистент Вороникова, поинтересовалась:

– Инструмент, девонька, учишь?

Саня в ответ кивнула головой.

– Учи-учи! – продолжила Вера Васильевна. – Чтобы от зубов отскакивало... Сама проверять буду.

После её ухода, Наташка, что работала в паре с Саней, съязвила:

– Проверять – на это мы горазды, а вот место уступить, как смене своей, не дождёшься. Я уже два года при выздоравливающих, а воз – и ныне там. Правда мне Вера даже не обещала проэкзаменоваться... Она, что глаз на тебя положила?

Александра с удивлением посмотрела на подругу:

– О чём это ты?

– А ты не знаешь? – хихикнула Наташка. – Верочка наша обожает молоденьких девочек... Вроде тебя...

– Не смеши, Наташка – весёлого мало.

– Не скажи-не скажи, – продолжала издеваться напарница, – я бы на твоём месте, непременно воспользовалась...

– Ну так воспользуйся – уступаю! – не поддавалась Саня.

– Увы, увы, она выбрала не меня.

Глава 3. Стрелок

Стрелок уже пару часов лежал без движения, хотя давалось это нелегко: всё-таки зима. Южный климат, действительно, не спасал: многочасовое лежание на полу разрушенного дома давало о себе знать сначала онемением пальцев ног, затем начинали терять чувствительность руки.

Он старался шевелиться, как можно меньше: совсем неподалёку – в развалинах через дом засел «вражеский» снайпер. Стрелок обнаружил его совсем недавно: пару дней назад. Снайпер появлялся на несколько секунд: делал пару-тройку затяжек и исчезал.

– Что за чёрт?! – недоумевал Стрелок. – Кто же курит на боевом посту?

Это был какой-то неправильный снайпер – дерзкий. Он словно посылал вызов Стрелку, презирая все неписанные законы выживания, все воинские правила и все условности, одним своим появлением словно говоря:

– Я не боюсь тебя! Я тебя презираю!

И это злило Стрелка, выводило из равновесия. Тогда он решил во чтобы-то ни стало избавиться от этого дерзкого снайпера. Подкараулить его, и в самый подходящий момент снять одним выстрелом, потому как второго может не быть.

Время тянулось медленно, причиняя душевную боль: когда находишься наедине с самой собой, не остаётся ничего кроме воспоминаний и желания понять, что произошло в твоей жизни не так, почему вдруг она перевернулась с ног на голову?

Кажется ещё вчера всё было хорошо: семья, высокая и голубая мечта, которая начала исполняться, любимая девушка, которая правда об этом ещё не знала, но он был твёрдо уверен, ждёт его. Ведь иначе просто не может быть...

И вдруг всё оборвалось. В один миг. Начал рушиться Советский Союз – рушилась и его жизнь. А началось всё с вильнюсских событий, где погибли его родители. Два совершенно невоенных, мирных человека: Любовь Петровна и Дмитрий Иванович, всю жизнь проработавшие в школе. Они просто оказались не в том месте и не в то время...

Он вернулся в город через два дня после событий и не нашёл родителей. Вильнюс бурлил, кипел злобой и ненавистью. Никто ничего не знал конкретно, но разговоров было много: бестолковых, противоречивых, бесполезных. Наконец, он смог узнать, что при штурме вильнюсской телебашни его родители, в числе 17 человек, попали под пули российской группы «Альфа» и были убиты.

Вначале он не поверил в это, потому рассказ показался ему злой выдумкой, не укладывался в голове.

– Это неправда! – сказал он прямо в глаза сообщившему ему дурную весть. – Вы всё выдумали! Не знаю только зачем?

Тогда ему показали фотоснимки, и они явно не были подделкой. Но вот что странно: никто не знал, где сейчас находятся тела. Ещё двое суток он разыскивал родителей по городским моргам, ходил по инстанциям. Наконец, смог докопаться, что их уже успели захоронить...

Он остался один. Для юношеского сознания эта боль была выше всяческих доводов, сильнее давней мечты, сильнее желания стать нужным стране человеком, и даже желания жить. Он

вдруг понял, что этой стране люди не нужны вообще: ни его родители, ни он сам. И осознание этого стало последней каплей на чаше весов добра и зла.

А потом Союз рассыпался, как карточный домик. Родина стала чужой и далёкой. А там – на Родине, девушка, которой он обещал вернуться. Единственный близкий человек, всё ещё связывающий его с этой жизнью.

Три года пролетели, как во сне: он вряд ли смог вспомнить все события, происходившие с ним в это время. Жил не понятно чем. Куда-то шёл, что-то делал. Случайные заработки, голодные, иногда пьяные дни, бессонные или, в полупьяном забытии, ночи, драки по поводу и без повода. Гложущая боль, не проходящая, не оставляющая ни на минуту – снедающая ненависть, которую ничем нельзя залить.

Когда начались чеченские события, и в городе стали формировать отряды добровольцев для борьбы с Российской Армией, он записался одним из первых. Прошёл двухнедельную подготовку: обучали в основном стрельбе из снайперской винтовки, которую новобранцы меж собой в шутку называли «снайперкой».

Отбирали тех, кто выбивал из десяти выстрелов 90 очков и более, и формировали группу. Экипировали наспех, собирая, как видно с миру по нитке: обувь своя, вполне гражданская, брюки скорее всего от спецодежды строителя, и только верх выдали всем одинаковый: куртку с капюшоном – вполне сносную, утеплённую, из камуфляжной ткани.

Знающие люди посоветовали пододеть вниз что-нибудь тёплое, домашнее: свитер, шерстяное трико. Инструктор, как человек военный, прошедший Афганистан, наставлял новобранцев отцовским тоном:

– Юг – югом, но долгое лежание в засаде и там пронимает до костей!

Стрелок попал в первую группу, потому что обошёл многих претендентов: стрелял он давно, ещё со школьных времён – в основном в тире. На спор выбивал 50 очков из пятидесяти. В начале февраля его группа уже был в Грозном. Получив задание, каждый из стрелков отправился на указанное место.

Странная вещь – время. То оно летит скоростным экспрессом – так, что от мелькания дней и событий рябит в глазах, то тащится черепахой. И сколько не подгоняй его – бесполезно: время знает свой ход, и воле человека оно не подвластно. Но, как подвластен ему человек! Время может всё: поднять, низвергнуть, искалечить, даже убить. Стрелку порой кажется, что с ним произошло последнее. Может потому ему всё безразлично, кроме ненависти и желания мстить?

Вот уже третий день он наблюдал за вражеским снайпером, и каждый вечер видел, как сверкают его окуляры. Теперь он не сомневался, что снайпер охотится за ним.

– Шиш! – смеялся Стрелок, с трудом растягивая губы в усмешке. – Не дамся. Не возьмёшь!... Плевать на то, что ты кадровый убийца! Я пересажу тебя и не упущу свой момент.

Он не спешил, зная, что нужно бить наверняка, ведь погибать он не собирался: в его груди неугасимым огнём пылала ненависть и желание отомстить полной мерой. За всё! За родителей, за его изломанную жизнь, за любимую девушку, которую он никогда больше не увидит... А потому выдержки у него хватит.

Чтобы не захлебнуться от ненависти, он подолгу смотрел перед собой и читал стихи, которые всегда любил и многие знал наизусть. В последнее время он всё чаще вспоминал строки неизвестного ему автора, которые словно написаны о нём самом, о таких, как он.

Под колёсами белою пылью клубится дорога,
И не знаешь, в какой колее притаился фугас.
Помолись за меня, попроси разрешенья у Бога
Мне увидеть тебя и обнять лишь один только раз.

Помолись за меня на коленях у детской постели,
Лишь с молитвой твоей я уже ничего не боюсь —
Помолись за меня, мы так мало с тобою успели!
Помолись за меня, и я точно вернусь. Я вернусь!

Я вернусь на рассвете по старой знакомой дороге,
И такая кругом будет в мире стоять тишина!
Ты откроешь мне дверь, и обнимемся мы на пороге,
И вот так простоим целый день напролёт, дотемна.

Там, наверное, дома сейчас всё засыпано снегом,
Толстый лёд на реке, но уже дело близко к весне,
Это так далеко – а пока под пылающим небом
Мы идём в никуда, на расплавленной солнцем броне...

Здесь в чужом позабытом краю откровенного ада
Правит наглая смерть, и отбоя нет от воронья.
Здесь молитва твоя – для меня во спасенье награда,
Помолись за меня, я прошу – помолись за меня!..

Под колёсами белою пылью клубится дорога,
И не знаешь, в какой колее притаился фугас.
Помолись за меня, попроси разрешенья у Бога
Мне увидеть тебя и обнять лишь один только раз.

Каждый раз он читал это стихотворение, как мольбу, как молитву, ибо ни одной из них не знал, потому что вырос в семье атеистов, и сам никогда не сталкивался с людьми верующими. Почему он вёл себя так – не понятно: это происходило само-собой. Этого просила его больная, истерзанная душа, которая протестовала против несправедливости, против всего, что происходит вокруг, что происходит с ним самим.

А вокруг город пылал зарницами, и содрогалась от взрывов земля: он чувствовал это всем своим существом, инстинктивно осознавая, что это неправильно, что так быть не должно. Но воронка войны затягивала всё глубже и глубже, давая понять, что ему из неё не выбраться. Она не затихала ни на минуту, обозначая себя грохотом взрывов, пожарами, цепью трассирующих пуль, прошивающий город насквозь. Его первая в жизни война: чужая, ненужная, холодная и равнодушная.

– У войны не женское лицо! – припомнил он знакомые с детства слова. – Не женское... А чьё лицо?... И не лицо это вовсе – звериный оскал... Она всегда рядом... За каждой стеной. За каждым камнем. Готовая в любую минуту кинуться на тебя, сожрать...

И вот настал, наконец, момент выстрела – того единственного, за чертой которого он станет убийцей. Вновь сверкнули знакомые уже окуляры и огонёк, описывающий дугу слева направо.

– Да их двое! – понял Стрелок. – Ну, парни, вы попали...

Не торопясь он нажал на спуск, но выстрела не услышал. Следом – второй, рядом. Уйти не успел: развалины, где он притаился накрыло взрывом, отбросив его к ещё уцелевшей стене. В глазах потемнело и он провалился в темноту, не успев ничего понять.

Очнулся от жгучей боли: на нём горела куртка. С трудом сорвал её с себя: левая рука не слушалась – её заливала кровь из раны в плече. Рядом валялась раскуроченная «снайперка». Успел подумать: – «Недолго же ты послужила». Попытался подняться, и не смог: правое бедро было разворочено и тоже кровоточило.

Усилием воли заставил себя завернуть «снайперку» в тлеющую ещё куртку и бросить свёрток в воронку. Остался в свитере и брюках, висевших на бёдрах клочьями и пополз прочь из дома. Но далеко уползти не смог: вновь накрыло взрывной волной.

Он лежал на куче битого камня, распластавшись, и что-то шептал. Чёрный дым стелился низко над землёй, ветерок легонько шевелил некогда светлые, а теперь, окрашенные кровью, волосы. Рядом стояли двое российских солдат с автоматами на изготовку. Один из них уже хотел сделать выстрел, чтобы добить раненого.

– погоди! – остановил его второй. – А вдруг это кто-нибудь из местных?

– Местные не валяются где попало! – возразил первый. – А если это и так – где гарантия, что это не чечен?

И тут до них долетели слова:

– Не стреляйте... Я свой... Я – русский.

Голос был слаб, но вполне различим.

– Вот видишь? – вновь подал голос второй. – Я же говорил тебе – это местный.

– Ну и что теперь прикажешь с ним делать? – недовольно проворчал первый.

– Тащить в госпиталь, – ответил второй. – Он тут как раз близко – через один дом.

– Не было печали – так черти накачали! – запротестовал первый. – Не хочу я никого тащить!... Может здесь бросим? Будто и не видели...

– А, если тебя раненого вот так бросят умирать?! – начал злиться второй. – Как тебе это понравится?

– Да, ладно, ладно тебе! – пошёл на попятную первый. – Пошутил я! Пошутил... На чём тащить-то будем? На руках что ли? У него вон глянть, вся нога разворочена... И плечо.

– Поди у Петьки плащ трофейный попроси: на нём и потащим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.